

RU

Мотив сна в поэзии Элизабет Барретт Браунинг

Нагайцева К. А.

Аннотация. Цель исследования – определение роли мотива сна в поэзии и творческой философии Элизабет Барретт Браунинг и раскрытие механизмов его реализации. Научная новизна работы заключается в расширении представления о тематическом диапазоне и художественной значимости поэзии Э. Б. Браунинг в свете малой степени изученности её творчества в отечественном литературоведении. В результате исследования установлены причины и принципы формирования мотива сна, рассмотрены личные интерпретации Э. Б. Браунинг феномена сновидения и способы его поэтического осмысления. Многоаспектность реализации мотива сна исследована в связи с автобиографическими и социальными факторами, определившими особую роль и место Э. Б. Браунинг в английской поэтической традиции.

EN

Dream Motif in Elizabeth Barrett Browning's Poetry

Nagaytseva K. A.

Abstract. The study aims to determine the role of the dream motif in Elizabeth Barrett Browning's poetry and creative philosophy and to reveal mechanisms of its realisation. Scientific novelty of the research lies in expanding understanding of thematic range and artistic significance of E. B. Browning's poetry, since her creative work remains little-studied in the Russian literary criticism. As a result of the research, motivation for and principles of the dream motif formation are determined, E. B. Browning's own interpretations of the dream phenomenon and ways of its poetic interpretation are considered. Multi-aspect realisation of the dream motif is examined in connection with autobiographical and social factors that defined E. B. Browning's special role and place in the English poetic tradition.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена возобновлением широкой литературоведческой дискуссии о роли и статусе женщины как творческой личности на фоне феминистских тенденций, набирающих популярность в нашей стране. Несмотря на свершившееся равноправие полов во многих сферах социальной жизни, в литературном процессе всё ещё сохраняется стереотип о «женской поэзии» как о специфическом явлении, или даже зачастую «вторичном» по отношению к творчеству мужчин. Проблему гендерного аспекта в поэтическом творчестве представляется возможным переосмыслить, изучая опыт реализации женского лирического сознания, в особенности в патриархальной социокультурной ситуации Англии XIX века. Среди ряда поэтов этого периода наибольший интерес представляет творчество Э. Б. Браунинг, для которой вопросы психологического и художественного статуса женщины-творца имели принципиальное значение. В современном западном литературоведении изучению поэзии Э. Б. Браунинг уделяется особое внимание, и это, как правило, сопряжено с феминистической идеологией. Но отечественных научных исследований, посвящённых изучению столь многогранного явления, как поэзия Э. Б. Браунинг, на сегодняшний день недостаточно. Подробное и комплексное изучение идейно-образной системы её творчества представляется эффективным средством переосмысления «женского вопроса» в литературе. Тематическое и жанровое разнообразие поэзии Э. Б. Браунинг заставляет пересмотреть стереотипное представление о своеобразном разделении тем на так называемые мужские/женские и утвердить право поэзии женщин на универсальность. В ракурсе этой дискуссии мотив сна, значительно разработанный в творчестве поэтессы, представляет особый интерес. Наряду с мотивами смерти, детства и любви, мотив сна основан на универсальном человеческом опыте, а потому широко представлен в мировой литературе. Внимание Э. Б. Браунинг к феномену сна является убедительным аргументом сопричастности поэтессы к процессу формирования женского поэтического мировоззрения как универсального и самоценного литературного феномена, а исследование способов осмысления и реализации этого мотива обогащает понимание поэзии Э. Б. Браунинг.

В работе предполагается решение следующих задач: выявление нескольких уровней мотива сна; изучение влияния романтической школы на поэзию Э. Б. Браунинг, в том числе на реализацию мотива сна; анализ взаимосвязи феминистических и романтических установок в поэзии Э. Б. Браунинг; освещение значимости автобиографических тенденций для формирования мотива сновидения; анализ основных стихотворений, в которых мотив сновидения является концептуальным центром.

Основными методами исследования являются культурно-исторический, биографический и структурный анализ. Представленные в работе оригинальные поэтические тексты не переводились ранее на русский язык, поэтому в процессе исследования были осуществлены их подстрочные переводы.

Теоретической базой послужили современные труды английских литературоведов, чей фокус сосредоточен как на исследовании творчества Э. Б. Браунинг, так и на особенностях окружавшей её социокультурной среды XIX века, Сандры Гилберт и Сьюзен Габар [10], Ребекки Стотт и Саймона Эйвери [5], Дороти Мермин [15], Марты Кроу [7], Линды М. Льюис [13].

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных выводов в процессе комплексного анализа поэзии Э. Б. Браунинг, что, в свою очередь, способствует развитию более ясного понимания традиции английской женской поэзии, сложностей её становления и прогресса в культурной ситуации викторианской Англии XIX века. Таким образом, полученные результаты могут использоваться при разработке курсов лекций и пособий, посвящённых целому кругу тем, таких как история английской поэзии, романтизм в женском поэтическом творчестве, история феминистических учений в Англии, роль женщины в европейском литературном процессе.

Творческая философия Элизабет Барретт Браунинг

Поэзия Элизабет Барретт Браунинг (1806-1861) воплощает собой образец утончённого женского лирического сознания. Имя поэтессы было широко известно читающей Англии; в качестве одного из доказательств её популярности стоит упомянуть тот факт, что именно Э. Б. Браунинг считали новым кандидатом, достойным утверждённого королевой звания поэта-лауреата, после смерти У. Вордсворта в 1850 году.

Жанровое и тематическое разнообразие творчества поэтессы поражает: «Она обладала стремительно растущей международной популярностью в Америке и Европе и считалась одним из ведущих писателей XIX века. Работая с удивительно широким рядом устоявшихся литературных жанров – эпических, лирических, драмой, религиозными медитациями, сонетами, балладами и драматическими монологами – и часто попутно перестраивая их для новых целей, она всегда была экспериментатором, постоянно раздвигающим границы стереотипных представлений о содержании и форме поэтического искусства» [5, р. 18]. Для современников поэтессы и большинства литературоведов её оригинальность в первую очередь обуславливается избранной Э. Б. Браунинг стратегией позиционирования своей поэзии как свободной от гендерных стереотипов. В самом начале творческого пути поэтесса осознала конфликт литературных амбиций и патриархального дискурса: «...в культуре, где творчество определялось исключительно в рамках мужского понимания, почти каждая писательница вынуждена была испытывать своего рода гендерный конфликт, который Афра Бен формулировала как “моя мужская часть, поэт во мне”» [10, р. 66]. Пол определял как модель поведения в обществе, так и рамки творческой реализации: «Образ женственности, унаследованный от матери, усугублённый установками культуры XIX века и романтической поэзией, провоцировал чувство изоляции во многом от романтической традиции... и художественно обедняющую, хотя и зачастую дающую силы привязанность к моделям покорности и жертвенности» [15, р. 713]. Э. Б. Браунинг опасалась репутации сентиментальной писательницы, пишущей для женщин и рассуждающей только о типичных для основной модели женской самореализации «ангела дома» темах: домашних привязанностях, детях и семейном очаге. Протестуя против своеобразного «литературного патриархата» [10, р. 14], ситуации разделения литературного процесса по принципу элитарное «мужское» и второстепенное «женское», Э. Б. Браунинг, «чувствуя отсутствие серьёзной литературной женской традиции, ассоциирует себя с рядом поэтов-мужчин» [8, р. 97-98].

Весь ранний период творчества, вплоть до 1845 года, после которого издаются известнейшие цикл “Sonnets from the Portuguese” и поэма в стихах “Aurora Leigh”, поэтесса «ищет свой голос» в соперничестве с поэтами-романтиками. Многие современные исследователи считают Э. Б. Браунинг представительницей романтической школы [24]. Хронологически период становления творческой философии Э. Б. Браунинг совпадает с эпохой расцвета романтической школы. Поэтесса восхищается творчеством ведущих романтиков: «Байрон, Кольридж, сколько ещё? <...> ...были моими современниками, к которым я не могла приблизиться столь близко, чтобы почтительно посмотреть им в лица...» [22, р. 14], «Я возвращаюсь к обзору Вордсворта, короля поэтов нашего времени» [21, р. 28], «Шелли был великим поэтом» [Ibidem, р. 143-144], «Китс на самом деле... настоящий поэт, от первого слова и до последнего» [20, р. 157]. Позиционируя себя как равную своим поэтическим кумирам, Э. Б. Браунинг адаптирует базовые принципы романтической философии к эстетико-смысловой системе своего творчества. Так, основные вопросы, на которые направлен её поэтический фокус, обнаруживают романтический импульс: утверждение индивидуальности и связанные с этим романтическая ностальгия по детству, интроспекция личности, концепция «поэта-пророка» и своеобразная творческая эпистемология [18].

Вопрос истинности восприятия мира и внутреннего «я» стимулировал заинтересованность романтиков и в психологической стороне сновидения. Ведущие поэты-романтики Блейк, Вордсворт, Кольридж, Саути развернули широкую дискуссию о природе сновидений, но «центральные три романтических взгляда на сновидение

выразил Байрон: сны отражают мир наяву, сны оказывают глубокое влияние на повседневную жизнь сновидца, и процесс сновидения аналогичен поэтической активности» [11, р. 294]. Э. Б. Браунинг присоединилась и к этой дискуссии романтиков, предлагая многоаспектное осмысление сновидческого процесса.

Сон как воображение

Для романтической философии воображение оказалось одним из фундаментальных понятий. Видения или прозрения, доступные для творческого взора, представлялись неотъемлемыми элементами воображения, которые помогали «проникновеннее и объёмнее увидеть реальность» [2, с. 84]. С этой точки зрения сновидение тоже оказывается своего рода прозрением. Стихотворения Э. Б. Браунинг “The Soul’s Travelling” и “The Dream” являются яркими примерами «романтического поиска новых границ сознания и расширения человеческого опыта до неизвестных ранее форм бытия» [12, р. 99]. В “The Soul’s Travelling” лирическая героиня делится опытом внетелесного путешествия: «Я витаю посреди города / И слышу поток душ в движении и общении» (“I dwell amid the city, / And hear the flow souls in act and speech”) [6, р. 572]. Необходимо отметить, что автор только намекает на сновидение, указывая лишь на разделённость души и спящего тела, что интенсифицирует трансцендентный характер особого состояния сознания: «Я ушла из переполненного города! / Он окутал уличным громом / Моё тело, которое пока не слышит звука, / Ибо теперь другой звук, другое / Видение чувствует моя душа» (“I am gone from peopled town! / It passeth its street-thunder round / My body which yet hears no sound, / For now another sound, another / Vision, my soul’s senses have”) [Ibidem]. Полёт души лирической героини берёт своё начало в городе, откуда, устав от созерцания суеты и несправедливости, улетает на лоно природы. Там душа обретает «детский голос» (“a child’s voice”) [Ibidem, р. 575] для разговора с Богом.

Образы ребёнка и высших сил созвучны друг другу в романтическом контексте потустороннего опыта, транслируя идею не расхождения с реальностью, но её преобразования; видения более глубокого плана бытия, не искажённого телесностью взора внутреннего «я»-ребёнка. Лирический сюжет произведения “The Dream” практически повторяет “The Soul’s Travelling” с той лишь разницей, что совершается потустороннее путешествие не в пространстве, но времени: «У меня был сон! – мой дух освободился / От темноты своей железной темницы, плоти, / И оседлал коней Времени» (“I had a dream! – my spirit was unbound / From the dark iron of its dungeon, clay, / And rode the steeds of Time”) [Ibidem, р. 111]. Видение иной реальности времени доступно для лирической героини только в ином состоянии сознания, трансцендентность которого автор интенсифицирует, сближая сновидение со смертью. В первой строфе стихотворения транслируется образ загробного существования с помощью метафоры освобождения души от тела как «железной темницы» и её дальнейшего путешествия «среди похороненных веков» (“among the buried ages”) [Ibidem]. В “A Vision of Poets” поэт, лирический герой, испытывает сверхъестественное видение, включающее в себя общение с высшими силами, рядом поэтов, живших ранее, и рассуждения о славе и поэтическом искусстве. Видение настигает поэта, он не прикладывает усилий: «Его бесцельные мысли складывались в ритм, / Будто рука ребёнка случайно / Задела семиструнный инструмент» (“His aimless thought in metre went, / Like a babe’s hand without intent / Drawn down a seven-stringed instrument”) [Ibidem, р. 367]. Образ ребёнка как романтический принцип естественности и близости к иному плану бытия транслирует искренность и поэта, и его видения, и его творчества. Поэт в самом начале не может уснуть: «Поэт никак не мог уснуть, / Так как в его душе было слишком много света / Под веками для этой ночи» (“A poet could not sleep aright, / For his soul kept up too much light / Under his eyelids for the night”) [Ibidem]. Свет в данном случае представляется метафорой воображения-сновидения, которому поэт уже подвержен. Так, в следующей строфе автор не уточняет, уснул ли поэт обычным сном или нет, но демонстрирует переход поэта в иную реальность, видение рифм и искусств: «И так он восстал, взволнован / Сладкими рифмами, звенящими в голове, / И в лес забрёл...» (“And thus he rose disquieted / With sweet rhymes ringing through his head, / And in the forest wandered...”) [Ibidem]. Таким образом, Э. Б. Браунинг проводит параллели непосредственного поэтического вдохновения и сновидения: поэзия возникает сама собой, как и сон.

Понятие воображения в романтической трактовке открывает ещё один аспект сновидения как интеллектуального процесса. Аналогия сна и творческого процесса предполагает общие механизмы их функционирования. Ещё в предисловии к ранней работе “An Essay on Mind”, в значительной степени вдохновлённой философией романтизма, Э. Б. Браунинг отмечала: «Поэзия не существует в созерцаемом объекте, но создаётся созерцающим умом» [Ibidem, р. 78]. Так, сновидение требует усилий самого сновидца. В стихотворении “The Lay of the Brown Otsegar” злой дух пытается прервать сон лирической героини и в ответ на её просьбы оставить сон в покое отвечает: «Это мысль» (“It is a thought”) [Ibidem, р. 454]. Лирическая героиня подхватывает ответ: «Сонная мысль – самая невинная...» (“A sleeping thought – most innocent...”) [Ibidem]. Стихотворение “The Vision of Fame” также открывается мотивом сна: «Ты когда-нибудь проводил солнечный полдень, / Едва размышляя в полусне, / Когда ты улыбаешься такой сонной улыбкой» (“Did ye ever sit on summer noon, / Half musing and half asleep, / When ye smile in a such a dreamy way”) [Ibidem, р. 115]. Далее автор прямо указывает на однородность сновидческого и интеллектуального процессов: «Недавно и я так уснула – / Я размышляла о древней истории...» (“A while ago and I dreamed thus – / I mused on ancient story...”) [Ibidem]. Сон, изображённый в “L.E.L.’S Last Question”, представляется поэтической иллюстрацией понимания сна Томасом де Квинси: «Эта способность в сочетании с неясной загадкой – величайший способ, которым человек общается с тайной. И сновидческий орган в соединении с сердцем, глазами и ушами создаёт чудесный аппарат, который умещает

бесконечное в каморках человеческого мозга и отбрасывает смутные отражения вечности на зеркала спящего разума» [16]. В стихотворении спящий ребёнок созерцает сновидческую реальность, произрастающую на основе повседневной: «И как ребёнок, спящий, уронив голову / На книгу сказок, которую он недавно читал, / Какой бы домашний шум не кружился вокруг него, / Во сне он слышит эльфийское буйство» (“And like a child that, sleeping with dropt head / upon the fairy-book he lately read, / Whatever household noises round him move, / Hears in his dream some elfin turbulence”) [6, p. 585]. Романтический культ ребёнка, трактовавший «детство как период, когда гений каждого, кажется, блистал» [4, p. 83], предполагает эстетико-концептуальную близость к концепции поэта-провидца, обладающего «двойным видением» (“a double vision”) [6, p. 1035], иными словами, пониманием скрытого плана бытия. Так, представляется возможным углубить интерпретацию мотива сна в данном произведении. Спящий ребёнок, словно поэт, обнаруживает иную суть вещей и процессов, окружающих его. Сон уподобляется творческому механизму, который, по мнению У. Вордсворта, позволяет «отобрать случаи и ситуации из повседневной жизни и пересказать или описать их, постоянно пользуясь, насколько это возможно, обыденным языком, и в то же время расцветить их красками воображения, благодаря чему обычные вещи предстали бы в непривычном виде...» [1, с. 262].

Сон как смерть

Танатологический мотив значительно разработан в творчестве Э. Б. Браунинг, что в определённой степени могло быть спровоцировано обстоятельствами её жизни. В детстве поэтесса получила серьёзную травму спины, в юности её состояние усугубилось болезнью лёгких. Э. Б. Браунинг осознавала своё положение: «Я вполне понимаю, насколько же скучно посещать инвалида, которая до позднего вечера едва доползает до дивана, и чей голос почти невозможно расслышать при кашле» [23, p. 51]. Серьёзным ударом для физического и психологического состояния поэтессы в 1840 году стала внезапная смерть любимого брата Эдварда; это событие стало причиной продолжительной депрессии. Постоянные боли, которые Э. Б. Браунинг могла заглушить лишь опиумной настойкой лауданума, изолированность от общества и недостаток физической активности приводили в отчаяние, которое трансформировалось в трагические интонации, отмеченные её современниками: «Она признала себя вдохновлённой гением страдания. Это оказало разнообразное влияние на её поэзию. Прежде всего, страдание научило её создавать для себя место трансцендентного уединения, город-убежище в облаках. <...> ...для измученных умов мрачные темы особенно увлекательны, и уводят они на берега тёмных рек, в мрачные леса и самые пустоши» [9, p. 188-189].

С этой позиции представляется возможным говорить о сложной взаимосвязи в творчестве Э. Б. Браунинг мотивов сна и смерти. Для неё сон не является «репетицией смерти», иными словами, более лёгкой, «проворочной» попыткой умирания лирического героя при жизни, что всё же несёт в себе некоторое концептуальное противопоставление: смерти как небытия и сновидения как бытия, только на ином уровне. Напротив, Э. Б. Браунинг практически ставит знак равенства между сном и смертью, избегая однозначного разделения этих состояний. Так, помимо стихотворения “The Dream” особый интерес представляют “Sleeping & Watching”, “Isobel’s Child” и “A Child Asleep”. В первом произведении лирический герой, находясь при смерти, обращается к спящему младенцу. Так как единственный взрослый рядом умирает, можно предположить, что младенец тоже погибнет, но автор не обозначает этого в финале произведения. Однако подобный вывод можно сделать, основываясь на контрасте их состояния. Младенец спит, в то время как лирический герой не может уснуть; младенец блаженствует, а умирающий мучается: «Я рядом, такой же уставший от боли, / Как, кажется, ты от удовольствия» (“I am near as tired of pain / As you seem of pleasure”) [6, p. 612]. У Э. Б. Браунинг такие позитивные понятия, как блаженство, покой и удовольствие, коррелируют именно с потусторонним состоянием спящего/умершего лирического героя. Необходимо подчеркнуть, что смерть не воспринимается как трагический конец, но переход на иной план существования, настолько естественный, как ежедневное засыпание.

В “Isobel’s Child” Э. Б. Браунинг культивирует идею близости ребёнка к высшим силам в загробной жизни / сновидении. В данном стихотворении мать уже восемь дней подряд «час за часом, на согнутых коленях» (“Hour by hour, on bended knees”) [Ibidem, p. 427] молится о выздоровлении своего ребёнка. В начальных строфах больной младенец спит: «Это была леди Изобель, которая держала / Маленького ребёнка: и он спал / Крепко, тепло» (“T was Lady Isobel that kept / The little baby: and it slept / Fast, warm”) [Ibidem, p. 423]. Но затем ребёнок просыпается и просит мать: «О мама, мама, оставь свою молитву! / <...> Она связывает меня, она держит меня / Своей самой жестокой любовью / От того, чтобы моя новая душа плыла / По счастливому небесному воздуху» (“O mother, mother, loose thy prayer! / <...> It bindeth me, it holdeth me / With its most loving cruelty, / From floating my new soul along / The happy heavenly air”) [Ibidem, p. 433]. По сути, ребёнок просит свою мать разрешить ему уйти в мир иной, так как воспринимает тот мир лучше земного: «...держит меня / На этой мрачной, этой унылой, / Подлой земле» (“...holdeth me / In all this dark, upon this dull / Low earth”) [Ibidem]. Мать соглашается и отпускает ребёнка: «Я изменила жестокую молитву, которую совершала... / и помолилась, / Чтобы Господь исполнил свою волю» (“I changed the cruel prayer I made... / and prayed / That God would do his will”) [Ibidem, p. 437]. Столь неоднозначное решение лирической героини основывается на интерпретации возможной смерти самим ребёнком, который считает её сном: «О, сон во сне! / Я видел даже небесные сферы. / <...> Отпусти меня на небеса! / Маленькая арфа ждёт меня там, / Арфа, чьи золотые струны / Настроены на небесную музыку» (“Oh, the dream within the dream! / I saw celestial places even. / <...> Let me

to my heaven go! / A little harp me waits thereby, / A harp whose strings are golden all / And tuned to music spherical”) [Ibidem, p. 433-435]. В финале стихотворения утверждается идея смерти как иного плана бытия. Лирическая героиня не принимает смерти ребёнка буквально: «Мы просыпаемся – он и я – / Я на земле, а он на небе» (“We are waking – he and I – / I, on earth, and he, in sky”) [Ibidem, p. 437]. Идея смерти/сновидения, представленная как благо для маленького ребёнка, в значительной степени шокирует читателя. В некоторой степени «смягчает» подобную концепцию обращение к христианской символике. Так, ребёнок в своём сне наблюдает «семисвечник, который зажжён вблизи / Херувима и Серафима» (“The sevenfold Lamps that burn in view / Of cherubim and seraphim”) [Ibidem, p. 434], райские «счастливые врата» (“happy Gate”) [Ibidem, p. 436] и самого Господа Бога: «Невыразимый, ОН» (“the Unspeakable, the HE”) [Ibidem, p. 435].

В “A Child Asleep” Э. Б. Браунинг также «размывает» границу смерти и сновидения. Автор восхищается мирным сном мальчика, испившим настойки «детской мандрагоры» (“childhood’s mandragore”) [Ibidem, p. 540], чей образ вызывает коннотации волшебства и тайны. В сновидении ребёнку открываются видения иного мира: «Видение призывает видение, / Пока ребёнок спит» (“Vision unto vision calleth, / While the young child dreameth on”) [Ibidem]. Ближе к финалу стихотворения сон оказывается смертью настолько внезапно, что провоцирует амбивалентное ощущение: «Тише, тише! Не шумите! / Теперь он лежит мёртвый и безмолвный – / Теперь он слушает голоса ангелов» (“Softly, softly! Make no noises! / Now he lieth dead and dumb – / Now he hears the angels’ voices”) [Ibidem, p. 541]. Затем в финале – снова сон: «Из-за его дремоты... <...> / Не смейте благословлять его!» (“From his slumber... <...> / Dare not bless him!”) [Ibidem, p. 542]. Необходимо отметить, что голоса ангелов, которые слышит мальчик, не означают однозначного факта смерти лирического героя, так как соприкосновение с духовным миром является прерогативой также и сновидений: «Нам следует увидеть духов, кружащихся / Вокруг тебя... / Возможно, это долг ангелов / Во время дремоты, тень за тенью» (“We should see the spirits ringing / Round thee... / Nably it is angels’ duty, / During slumber, shade by shade”) [Ibidem, p. 540-541]. В “The Lay of the Brown Rosary” наблюдается аналогичное сближение смерти и сновидения: спящая лирическая героиня признаётся в путешествии в мир мёртвых: «Я только гуляю среди полей, под осенним солнцем / С моим умершим отцом, рука об руку» (“I only walk among the fields, beneath the autumn-sun, / With my dead father, hand in hand”) [Ibidem, p. 455].

Сон как манифестация личного мистицизма

В “A Child Asleep”, как и в “Isobel’s Child”, культивируется идея сновидения/смерти как блага (по сравнению с грешным земным существованием): «Он невинен – ты грешен, / Ты в беспокойстве – он спокоен» (“He is harmless – ye are sinful, / Ye are troubled – he, at ease”) [Ibidem, p. 542]. Подобная оппозиция обусловлена противопоставлением двух планов бытия: материального (бодрствование) и духовного (сновидение или смерть). Мотив сна как средства, открывающего для сновидца потусторонний мир, может быть интерпретирован в контексте увлечения мистицизмом Э. Б. Браунинг.

Поэтесса была приверженцем конгрегационализма, одного из течений протестантской церкви. Независимый дух этого течения отразился на всех уровнях устройства общины. Так, административно-организационная автономия конгрегационалистов от епископата коррелировала со своеобразной «духовной автономией»: утверждалась идея возможности индивидуального приобщения к святому духу, исключая посредников официальных религиозных институтов [3, с. 188]. Свобода от догматизма стимулировала личные интерпретации христианской веры. Э. Б. Браунинг, осознавая свою религиозность как независимое совмещение христианского учения и эзотерических тенденций, признавалась: «Я та, кто верует в Универсальное Христианство, в ужасе бегу от ограниченной доктрины» [19, p. 119]. Уже с 1828 года наравне с рассуждениями о христианской вере Э. Б. Браунинг интересуется месмеризмом, затем ясновидением и в более поздний период творчества всерьёз увлекается идеями мистика Сведенборга. Более того, свобода религиозных взглядов гармонично встраивалась в поэтическую философию: «Вера в Христа – это, собственно, поэзия, возвеличенная поэзия!» [13, p. 19]. Таким образом, говоря о том, что «религиозный дух превалирует и освещает каждую страницу, написанную поэтессой» [7, p. 1], необходимо помнить о выдающейся индивидуальности религиозных взглядов Э. Б. Браунинг, которая ещё при жизни в литературной критике заслужила репутацию «христианской колдуньи» [17, p. 116].

Мотив сна в значительной степени переплетён с религиозным мотивом. Так, происхождение сновидений потустороннее, ангелы приносят их: «...Я, который приношу / Добрые сны для святых детей» (“...I who bring / Good dreams for saintly children”) [6, p. 452]. Сновидения в уже рассмотренных выше стихотворениях не предполагают физиологических и материалистических интерпретаций, но коррелируют с пониманием Э. Б. Браунинг феномена месмеризма: «...для Э. Б. Браунинг предмет месмеризма был одним из самых захватывающих. Было в ней влечение к мистицизму, которое спешило принять любое предположение о том, что дух может ускользнуть от контроля плотью, и слухи о непостижимой силе, которая, казалось, нарушала все природные законы, глубоко будоражили её» [14, p. 54]. Сновидение представляется тем же актом освобождения лирического героя от гнёта физической оболочки, а потому в контексте поэзии Э. Б. Браунинг сон обнаруживает сходство с трансом, творческим озарением, смертью. Так как сон – это выход в духовные сферы, он сопряжён с присутствием потусторонних сущностей или ангелов. Вокруг спящего ребёнка «как пчелы вокруг розы... / <...> Так Духи собираются и приближаются» (“As the bees around a rose... / <...> So the Spirits group

and close”) [6, p. 540]. Наконец, в “The Sleep” утверждается идея сна как эманации божественного мира. Все девять строф стихотворения завершаются рефреном: «Он даёт своим возлюбленным – сон» (“He giveth His beloved, sleep”) [Ibidem, p. 696-697]. Запятая в данной строке служит интонационным акцентом для слова «сон», которое в качестве призыва или обращения, выраженного глаголом, в грамматическую структуру не вписывается.

Э. Б. Браунинг раскрывает целый ряд свойств сновидения как божественного дара. Во-первых, наблюдается определённая оппозиция между божественным сновидением и сном как физиологической реакцией мозга или тела: «Но никогда скорбный сон снова / Не прервёт счастливой дремоты, когда / Он даёт своим возлюбленным – сон» (“But never doleful dream again / Shall break the happy slumber when / He giveth His beloved, sleep”) [Ibidem, p. 696]. Во-вторых, сон от Бога является абсолютным благом, так как превосходит любые земные награды и наслаждения: «Что мы бы дали нашим возлюбленным? / <...> Сердце героя, которое не дрогнет, / Арфу, звучащую, как звёзды... <...> / Корону монарха? / Он даёт своим возлюбленным – сон» (“What would we give to our beloved? / <...> The hero’s heart to be unmoved, / The poet’s star-tuned harp... <...> / The monarch’s crown? / He giveth His beloved, sleep”) [Ibidem]. Божественное происхождение сна подтверждается ангелами: «Но ангелы говорят, и слова, / Я думаю, слышны сквозь их счастливую улыбку – / “Он даёт своим возлюбленным – сон”» (“But angels say, and through the word / I think their happy smile is heard – / “He giveth His beloved, sleep”) [Ibidem]. Последняя строфа аккумулирует в себе мотивы религиозный, сна и смерти. Лирическая героиня просит друзей не тосковать о ней, когда она умрёт, потому что смерть будет божественным сном, а значит, станет благом для неё: «Говорите: “Ни слезинки не должно быть пролито из-за неё; / Он даёт своим возлюбленным – сон”» (“Say, «Not a tear must o’er her fall; / he giveth His beloved, sleep”) [Ibidem, p. 697].

Заключение

Проведённое исследование позволило сделать ряд выводов. Анализ основных стихотворений, в которых мотив сна реализован как стержень идейно-образной системы, продемонстрировал несколько уровней интерпретации у Э. Б. Браунинг этого феномена: сон как воображение, сон как смерть, сон как манифестация личного мистицизма.

Мотив сна как воображения вдохновлён романтической традицией. Он распадается на два смысловых элемента: сон как прозрение и сон как интеллектуальный процесс. Объединяющей смысловой характеристикой на этом уровне понимания сна является его творческий компонент, преобразующий обыденный мир. Поэтическое осмысление сна в русле романтической философии указывает на многофакторность становления творческих взглядов Э. Б. Браунинг. Она присоединяется к романтической дискуссии о природе творчества и сновидения как проявления бессознательного не только из-за резонанса убеждений своих и ведущих романтиков. Также Э. Б. Браунинг движет протест против гендерных стереотипов, актуальных в литературном процессе начала XIX века. Само пространство романтической философии представляется подходящей «ареной» для реализации литературных амбиций и феминистических взглядов Э. Б. Браунинг. Позиционирование себя как равной поэтам-мужчинам, то есть способной составить им интеллектуальную и художественную конкуренцию, несмотря на свой пол, заставляет поэтессу обращать внимание и фокусироваться на темах, которые представляют для романтиков интерес.

В то же время мотив сна обогащается и развивается на основе личного опыта и самобытного таланта поэтессы. Интерпретация сна как смерти тесно взаимосвязана с манифестацией личного мистицизма. Их взаимосвязь обуславливается тем, что эти уровни интерпретации сновидения имеют близкие смысловые установки. По мнению Э. Б. Браунинг, сон и смерть – это почти один и тот же феномен, так как и смерть, и сон являются пространствами потусторонней реальности, источником которой являются высшие силы. На этих уровнях представляется возможным говорить о сложном комплексе мотивов сна, религиозных и танатологических.

Перспективы дальнейших исследований видятся в более подробном анализе танатологических мотивов, имеющих ключевое значение для поэзии Э. Б. Браунинг, и дальнейшем изучении влияния романтизма на творческую философию поэтессы.

Список источников

1. Вордсворт У. Предисловие к «Лирическим балладам» // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под ред. А. С. Дмитриева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 261-278.
2. Красавченко Т. Н. Воображение и фантазия как категории английской поэтики XIX в. // Литературоведческий журнал. 2013. № 33. С. 83-113.
3. Религии мира: словарь-справочник / под ред. А. Ю. Григоренко. СПб.: Питер, 2008. 396 с.
4. Austin M. L. Children of Childhood: Nostalgia & the Romantic Legacy // Studies in Romanticism. 2003. Vol. 42. № 1. P. 75-98.
5. Avery S., Stott R. Elizabeth Barrett Browning. L.: Longman, 2003. 314 p.
6. Browning E. V. Complete Works of Elizabeth Barrett Browning. Hastings: Delphi Classics (Kindle Edition), 2013. 2385 p.
7. Crow M. F. Modern Poets and Christian Teaching: Elizabeth Barrett Browning. N. Y.: Eaton & Mains, 1907. 232 p.
8. Deirdre D. Intellectual Women and Victorian Patriarchy: Harriet Martineau, Elizabeth Barrett Browning, George Eliot. L.: Palgrave Macmillan, 1987. 273 p.

9. Gilfillan G. A Second Gallery of Literary Portraits. Edinburgh: J. Hogg, 1850. 429 p.
10. Gubar S., Gilbert M. S. The Madwoman in the Attic. The Woman Writer and the Nineteenth-century Literary Imagination. New Haven - L.: Yale University Press, 2000. 719 p.
11. Jones C. K. Dreaming and Dreams // Encyclopedia of the Romantic Era, 1760-1850 / ed. by Christopher John Murray. Abingdon: Routledge, 2013. P. 292-294.
12. La Cassagnere C. Dreams // A Handbook to English Romanticism / ed. by Jean Raimond and J. R. Watson. Basingstoke: Macmillan, 1992. P. 98-102.
13. Lewis L. M. Elizabeth Barrett Browning's Spiritual Progress: Face to Face with God. Columbia: University of Missouri Press, 1998. 272 p.
14. Lubbock P. Elizabeth Barrett Browning in Her Letters. L.: John Murray, Albemarle Street, 1906. 382 p.
15. Mermin D. Elizabeth Barrett Browning through 1844: Becoming a Woman Poet // Studies in English Literature, 1500-1900. 1986. Vol. 26. № 4. P. 713-736.
16. Quincey T. de. Dreaming [Электронный ресурс]. URL: <http://essays.quotidiana.org/dequincey/dreaming/> (дата обращения: 11.02.2021).
17. Stedman E. C. Victorian Poets. Boston: J. R. Osgood and Company, 1876. 482 p.
18. Stone M. Chapter Two: The Scene of Instruction: Romantic Revisionism [Электронный ресурс]. URL: <http://www.victorianweb.org/authors/ebb/marjoriestone/2.html> (дата обращения: 10.02.2021).
19. The Brownings' Correspondence: in 25 vols. / ed. by R. Hudson, P. Kelley, S. Lewis. Winfield, Kansas: Wedgestone Press, 1986. Vol. 4. XVI+451 p.
20. The Brownings' Correspondence: in 25 vols. / ed. by R. Hudson, P. Kelley, S. Lewis. Winfield, Kansas: Wedgestone Press, 1987. Vol. 5. XIV+428 p.
21. The Brownings' Correspondence: in 25 vols. / ed. by R. Hudson, P. Kelley, S. Lewis. Winfield, Kansas: Wedgestone Press, 1988. Vol. 6. XIV+425 p.
22. The Brownings' Correspondence: in 25 vols. / ed. by R. Hudson, P. Kelley, S. Lewis. Winfield, Kansas: Wedgestone Press, 1991. Vol. 9. XVI+423 p.
23. The Brownings' Correspondence: in 25 vols. / ed. by R. Hudson, P. Kelley, S. Lewis. Winfield, Kansas: Wedgestone Press, 1992. Vol. 10. XIV+422 p.
24. Wu D. Romanticism: An Anthology. Hoboken: John Wiley & Sons, 2012. 1656 p.

Информация об авторах | Author information

RU**Нагайцева Ксения Анатольевна¹**, к. филол. н.

¹ Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет);
Российский университет дружбы народов

EN**Nagaytseva Ksenia Anatolyevna¹**, PhD

¹ Bauman Moscow State Technical University (National Research University); RUDN University

¹ owner3333@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.02.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): Элизабет Барретт Браунинг; романтизм; сновидение; женская поэзия; мотив сна; Elizabeth Barrett Browning; Romanticism; dream; women's poetry; dream motif.